

И.А. ГОЛОВНЕВ

УЧЕНЫЙ КАМЧАДАЛ ИЗ СТРАНЫ ВУЛКАНОВ ПРОКОПИЙ НОВОГРАБЛЕНОВ И ЕГО ОБРАЗЫ КАМЧАТКИ¹

Статья освещает уникальную страницу в истории научного освоения Камчатки – творчество Прокопия Трифоновича Новограбленова – первого потомственного камчадала, посвятившего свою деятельность всестороннему описанию края. Статья фокусируется на анализе фотографического наследия П.Т. Новограбленова, структурированного по основным направлениям его работ – этно-археология и краеведение. На основе сопоставления его дневниковых записей, печатных работ и изобразительных материалов, делается вывод о значительной исследовательской ценности визуальных источников для изучения советской истории Дальневосточного фронта.

Ключевые слова: советская история, визуальная антропология, образ региона, Прокопий Новограбленов, Камчатка

В исследовательском освоении Дальнего Востока существенную роль исторически играли местные краеведы, посвятившие жизнь научным изысканиям в широком спектре направлений, но в силу разных обстоятельств не сумевшие популяризировать результаты своей деятельности. Дальневосточные архивы – настоящих кладов исходных материалов: дневниковых записей, фотодокументов, артефактов. Многие из этих ценных исследовательских документов до сих пор даже не каталогизированы надлежащим образом. К ним относится и архив П.Т. Новограбленова (14.08.1892 – 01.01.1934) – основателя полноценного краеведческого движения на Камчатке. Основной именной фонд исследователя хранится в Приморском отделении Русского географического общества (г. Владивосток), действительным членом которого он являлся; фрагментарно, материалы о его жизни и деятельности представлены в фондохранилищах Камчатского краеведческого музея и Государственного архива Камчатского края (г. Петропавловск-Камчатский). За относительно небольшой период деятельности в 1920– начале 1930-х гг. П.Т. Новограбленову удалось кардинально преобразить исследовательскую среду и работу в крае. Он активно сотрудничал с российскими (В.К. Арсеньевым, П.И. Полевым, В.А. Обручевым, В.Л. Комаровым, С.Ф. Ольденбургом и др.) и зарубежными (С. Бергман, Э. Хульстен, Р. Малэс и др.) учеными, стал основателем музея и краеведческого общества на Камчатке, автором порядка ста научных публикаций. При этом, его научное наследие остается совершенно неизученным. Особый интерес представляют в данном случае фотографические материалы по геологии, этнографии и истории полуострова, которые по сей день пребывают

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-59-23007 «Опыты изучения и визуальной репрезентации фронтальных территорий России и СССР в визуальной антропологии первой половины XX века: на примере исследований российских и венгерских ученых и кинематографистов».

в незаслуженном забвении среди прочих неопубликованных архивов П.Т. Новограбленова. Между тем, сам он уделял визуальности серьезное внимание, в ходе своей исследовательской деятельности запечатлевая образы Камчатки в фотографиях, рисунках и дневниках.

Прокопий (названный в честь деда по материнской линии) Новограбленов родился 14 августа 1892 г. в семье петропавловского мещанина Трифона

и его жены Феодосии (дочери камчадала Прокопия Панова из селения Апачинского). В 1907 г., после окончания Петропавловского городского училища, он поступил на службу матросом парохода «Котик» Камчатского торгово-промышленного общества и, приняв морское «крещение» в полных приключений походах в российские и японские порты, готовился поступать в морское училище. Однако спустя несколько лет морячества планы переменялись: в 1911 г. были открыты педагогические курсы при Петропавловском училище, куда он и поступил учиться.

С этого момента молодой камчадал пустился в плавание по океану учений. После окончания курсов, П.Т. Новограбленов принял решение продолжить учебу – и поступил в Томский учительский институт, задавший высокую планку в его образованности и сформировавший профиль будущей профессии. Во время обучения в Томске произошло важное событие и в его личной жизни – в 1915 г. он женился на дочери священника Антонине Аркадьевне Коронтовой. После окончания института, с 1917 по 1918 гг., с женой учительствовал на Сахалине, в г. Александровске, там и получил свою первую должность – председателя педагогического совета Александровского высшего начального училища. В 1918 г. молодая семья вернулась на Камчатку, где Новограбленов стал сначала преподавателем общеобразовательных предметов в Петропавловском училище, а затем занял должность инспектора. Так, бывший ученик училища стал в нем учителем, первым камчадалом с дипломом о высшем образовании.

В 1920 г. он организовал кружок по изучению Камчатской области. В ходе экспедиционных и изыскательных работ участников кружка образовывались обширные коллекции по зоологии, ботанике и этнографии Камчатки. В том же году, благодаря активной позиции П.Т. Новограбленова, для их содержания было выделено помещение, которое и стало основанием будущего Камчатского краеведческого музея.

Параллельно с музейной деятельностью, Новограбленов закладывал и основы краеведческого дела в регионе. 14 марта 1925 г. при партийно-профессиональном клубе был организован кружок по изучению

Камчатки. Краеведческий кружок ставил перед собой задачу изучения вопросов организации охотничьего промысла, звероводческого хозяйства и лесозаготовок в районе реки Камчатки и Авачи, кустарной промышленности, определение основных элементов хозяйствования туземцев, рабочих и крестьян. Разведка и учет горных богатств были также одной из главных задач кружка: выявление новых залежей угля, слюды, нефти, золота и других полезных ископаемых по всему округу. 8 октября 1926 г. на базе кружка было создано Общество изучения Камчатки. Новая организация приняла устав Русского географического общества, а его председателем был избран П.Т. Новограбленов. С тех пор и до конца своих дней он оставался неизменным руководителем краеведческого общества и вдохновителем исследовательского движения на далеком и самобытном Камчатском полуострове.

Страна вулканов

Изучением природной среды Камчатки Новограбленов занялся сразу по возвращении с обучения в Петропавловск. При этом его исследовательские интересы не были сфокусированы на чем-то одном, а постоянно развивались. В первое время он в буквальном смысле рассматривал Камчатку в микроскоп, увеличивающий реальную картину в 530 раз: изучал жизнедеятельность циклопов, амёб, и других микроорганизмов, содержащихся в пробах воды, и зарисовывал эти образы в своих дневниках. В начале 1920-х гг. его интерес переместился в область ботаники: он собирал гербарий, проводил ботанические экскурсии для учащихся школы, читал тематические лекции, делая зарисовки и фотографии встреченных им в экспедициях растений. Собранный им к середине 1920-х гербарий Камчатской флоры насчитывал около тысячи наименований². В это же время Новограбленов регулярно вел наблюдения за землетрясениями и вулканами, и постепенно, с осознанием уникальной специфики края, главным его научным увлечением стала вулканология. Уже к 1923 г. он составил первый каталог камчатских вулканов с фотографическими иллюстрациями. «Камчатка является единственной вулканической страной в пределах обширного Союза ССР. В пределах полуострова находится 17 действующих вулканов, общее же число всех вулканов Камчатки достигает внушительной цифры – 90. Изучить землетрясения – наша задача»³ – писал П.Т. Новограбленов.

Однако очевидно, что не простая любознательность, но желание проверить верования наукой, заставило Новограбленова впервые заглянуть в кратер вулкана. Характерным подтверждением этого являются локальные имена, которыми он называет изучаемые вулканические объекты: например, один из открытых им вулканических кратеров он назвал именем священного предка камчатских народностей – ворона Кутха. В некоторой степени это соотносится с традицией почитания вулканов как «домов» предков, описанной еще С.П. Крашенинниковым:

² ОИАК. Ф.5. Оп.1. Д. 18. Л. 9.

³ Новограбленов 1928: 4.

«Камчадалы почитают огненную гору за жилище умерших и сказывают, что тогда она горит, когда покойные юрты свои топят. В утверждение мнения своего объявляют они, будто некоторые из их народа сами в горе бывали и видали житие своих сродников»⁴.

Свое третье восхождение к вершине Авачинского вулкана Новограбленов совершил 5 августа 1923 г. в компании В.К. Арсеньева. В архиве Общества изучения Амурского края сохранились многочисленные фотографии, иллюстрирующие поход, а само восхождение подробно описано Арсеньевым в брошюре «В кратере вулкана». К слову, в тексте приложения к брошюре есть следующие рекомендации: «Научное снаряжение экскурсантов должно состоять из барометра со шкалою высот, термометров (для измерения высоких температур и температуры воздуха), шагомера, буссоли, часов, геологического молотка, бинокля и фотографического, а еще лучше кинематографического аппарата»⁵. Несмотря на пасмурную и дождливую погоду, это августовское восхождение на Авачинский вулкан с В.К. Арсеньевым, М.И. Савченко, А.Н. Марковым и Л.Е. Колмаковым было отражено в серии вполне качественных фотографий, сохранившихся в архиве П.Т. Новограбленова.

Со временем экспедиционные походы на вулканы, ежесезонно проводившиеся Новограбленовым в 1928–1932 гг., дополнились регулярными наблюдениями за вулканической активностью на полуострове. «В текущем 1928 году пущена первая сейсмическая станция. Почти ежедневно оба сейсмографа станции регистрируют колебания почвы. Камчатка сотрясается непрерывно» – вспоминал П.Т. Новограбленов⁶. Одной из его ключевых исследовательских позиций в вулканологии является включение вулканов Камчатки в мировую вулканическую систему – Тихоокеанское вулканическое кольцо, опоясывающее Великий океан, и насчитывающее в своем составе около 250 действующих вулканов. В этой связи, ведя прямые наблюдения за вулканами на Камчатке, Новограбленов по мере возможностей собирал сведения и о вулканической деятельности на других участках единой системы, находя подтверждение своей теории. В частности, по его наблюдениям 1932 г., магма ритмически волновалась почти на всем колоссальном протяжении этого кольца: «Мы знаем, что землетрясения и грозные извержения происходили в прошедшем году в Андах, Японии, островах Курильских, Камчатке, островах Алеутских. Можно привести в качестве иллюстрации следующие данные. Нам удалось во время путешествия по территории эвенов осмотреть известные ранее сопки, открыть ряд новых вулканов и ближе изучить знаменитый Ичинский вулкан (Алней), бывший загадкой до этого времени. Система Срединного хребта, где кочуют номады со своими стадами северного оленя, оказалась сильно расчлененной. Геометрически правильный, остроконечный конус Анаун окружен

⁴ Крашенинников 2013: 148.

⁵ Арсеньев 1925: 30.

⁶ Новограбленов 1928: 4.

кальдерой⁷ с многочисленными паразитными кратерами из пережженных шлаков; его кальдера напоминает лунный кратер»⁸. В архивах Новограбленова множество фотодокументов, отражающих его исследования вулканов Камчатки. И, хотя нет в них художественной изысканности в передаче камчатских красот, – в этих материалах есть другой ракурс, представляющий исследовательский интерес – естественное видение камчадала, являющегося органичной частью данной экосистемы.

Результаты вулканологической деятельности Новограбленова отражены в серии его работ, опубликованных в России и за рубежом. Наиболее известны из них «Каталог вулканов Камчатки» и «Горячие ключи Камчатки». Менее известны его исследования в области этнографии и археологии. В то же время в архивах Новограбленова находятся многочисленные фотоальбомы на этно-археологическую тематику – собрания образов, иллюстрирующие его исследования о древней и современной жизни обитателей страны вулканов.

Этнография и археология

В дневниках Новограбленова имеются подробные выписки по теории археологии (по экипировке, методам ведения полевых работ и обработки материалов), что свидетельствует об интересе к изучению древней истории края. Однако импульс к практической деятельности в этой области был задан В.К. Арсеньевым, вдохновителем и организатором всестороннего изучения Дальнего Востока⁹. 29 июля 1923 г., группой камчатских краеведов с участием Новограбленова и под руководством Арсеньева, была проведена археологическая разведка на северо-западном берегу Култучного озера. У разветвления дороги, ведущей к бухте Сероглазка, были обнаружены развалины древней камчадальской деревни. Первый археологический опыт увлек Новограбленова изучением прошлого Камчатки и заложил основы для археологической деятельности: «На съемку было нанесено 20 развалин юрт; юрт было гораздо более 20, но время и человек стерли следы остальных; так, например дорога оказалась проложенной почти посередине этой найденной деревни. В результате работ оказался богатый материал, как в виде записей хода разведки, так и фактического материала, как-то: каменный топор, каменный топор, дротики, наконечники стрел, скребки, обломки орудий каменного века и осколки различно окрашенного вулканического стекла. Найденная глиняная посуда свидетельствует о том, что Авачинские камчадалы-ительмены делали кухонную посуду из чистой глины, не примешивая к ней ничего для скрепления, без гончарного круга, обжигая ее на костре. До времени прихода русских (в 1696 г.) огромную роль в пище ительмена играла съедобная ракушка – *Mytilus edulis*»¹⁰.

⁷ Кальдера (исп. caldera – большой котёл) – обширная циркообразная котловина вулканического происхождения, часто с крутыми стенками и довольно ровным дном.

⁸ Новограбленов 1933: 3.

⁹ Головнева, Мартишина 2018.

¹⁰ Новограбленов 1923: 3. В свое время, участникам Второй Камчатской экспедиции В. Беринга удалось застать и подробно описать эти жилища. – См.: Вексель 1940: 151.

По воспоминаниям Новограбленова, в экспедиции 1927 г., попутно исследованиям Ключевского вулкана, он уже целенаправленно собирал археологические сведения о регионе и артефакты – для пополнения музейных коллекций: «Старик И.М. Кречетов, к которому я заходил сегодня, передал мне каменный жирник и каменный топорик, найденные им на месте ительменских юртовниц возле Ключей. У М.З. Чудинова, местного жителя селения Ключи, я приобрел железный топорик старинной работы, который прикреплялся к рукоятке ремнями. По преданию, это первый железный топорик, появившийся на Камчатке на смену каменным топорикам, при помощи которых бат делался три года. Устное предание передает ужас стариков-ительменов, когда начали рубить лес железными топорами»¹¹. За отсутствием средств и достаточной квалификации, Новограбленов сам не проводил археологических раскопок, выполнял лишь разведочные работы и нанесение мест древних селений на карту, готовя почву для будущих археологических работ. Например, в экспедиции 1927 года, посвященной группе вулканов Ключевской системы, он попутно фиксировал данные археологической разведки на местности: «Выше, в кекурнике¹² есть «дикарские пещеры», в которых находят иногда разные вещи, сохранившиеся от древних обитателей этих пещер – ительменов. Так, одним из охотников в одной из пещер были найдены кости, грубой работы нарта-дровянка, каменные жирник, топорик и лук. Лава излилась сюда от Большого Толбачика колоссальной массой – километров 20 в длину и километров 10 в ширину...»¹³.

Параллельно с археологическими, Новограбленов делал и этнографические зарисовки, фотографии и фольклорные записи. В этой связи исследовательский интерес представляют дневниковые заметки из экспедиции 1924 г. В Малкинском районе: «22 июля. Погода ухудшилась. Пользуясь свободной минутой, я собирал среди обитателей Малки различные сведения про растения: аграмоник, мачиха, лук, желтый цветок, белый девятигльник, крапива, чуман, черемша, сарена, красника, медвежий корень, кутагарник. Уговорил старушку Варвару Семеновну Абакумову походить со мной по окрестностям Малки и познакомить меня с местными растениями»¹⁴. Знание свойств растений издревле было характерной чертой камчадалов, по поводу чего исследователь Камчатки Г.В. Стеллер писал: «Местным жителям известны все туземные растения как по их именам, так и по их свойствам; не могу в достаточной степени надивиться тому, как они умеют определять свойства растений, одинаковых по виду, но различных по месту их произрастания и по времени сбора»¹⁵. Интересно, что внимание ботаника-любителя Новограбленова, много лет собиравшего гербарий камчатских растений,

¹¹ Новограбленов 1927: 327.

¹² Кекурник – ареал окаменевших лавовых потоков.

¹³ Новограбленов 1927: 328.

¹⁴ ККОМ. Ф. 172. Д. 1. Л. 49.

¹⁵ Стеллер 2011: 81.

интересовали не только лекарственные, но и легендарные свойства трав. К примеру, в той же экспедиции Новограбленов записал у информатора П.П. Абакумова местную легенду про «сильную» траву: «Как-то старые люди нашли гнездо дятла с птенцами. Они взяли клинья и крепко заклинили отверстие в гнезде. Оставив так гнездо, старики спрятались и стали наблюдать, что будет делать дятел. Дятел прилетел, стал беспокойно бегать вокруг клиньев, беспомощно стуча клювом по ним. Потом он куда-то улетел и вскоре вернулся, держа в клюве какую-то травку. Эту травку он положил на клинья, и те моментально вылетели из отверстия гнезда. Вот это и есть “сильная” трава, решили старики. Теперь, чтобы найти эту траву, надо проделать опыт стариков с гнездом дятла, под гнездо положить какую-нибудь материю, на которую “сильная” трава и упадет. Затем эту траву надо испытать: снести ее на реку, на быстром течении бросить на воду. Простая трава течением будет унесена вниз, а “сильная” трава отделится, и сама поплывет вверх по реке...»¹⁶.

Обращает на себя внимание интерес Новограбленова к подробностям в записях фольклорных текстов. Это видно, в частности, на примере истории о все той же чудодейственной «сильной» траве, которая, ниже приводится ниже полностью: «Старик Карандашев из Авачи раз нашел сильную траву и врезал ее себе в руку. Все знали, что с тех пор он стал очень сильным человеком. Карандашев ездил с почтой на север к чукчам, уплачивал каюрную плату, согласно обычаю, табаком. Вот случилось ему ехать с почтой среди чукотских кочевий. Табак весь вышел. Чукчи, увидевши, что он перестал платить табаком, отказались везти его дальше, требуя платы. Карандашев через переводчика сказал им, что табаку нет. Те ответили ему через переводчика же, что он врет, что табак у него лежит в сумках. В сумках же Карандашев вез разную рухлядь, которую он выменивал в пути. “Мы будем резать эти сумы”, – сказали ему чукчи. “Пусть сначала они убьют меня”, велел старик передать чукчам, “а потом режут сумы”. Чукчи поговорили между собою, а затем сказали проводнику, что они решили резать старика. “Пусть они предупредят меня, когда будут резать”, сказал Карандашев. Чукчи пообещали исполнить это. На другой день в ту юрту, в которой ночевал Карандашев, собралось много чукчей. Они уселись у стен. Скоро в юрту спустился почти голый чукча, могучего телосложения. “Вот этот будет тебя резать”, сказал переводчик старику. Он обойдет юрту три раза, и затем заколет тебя ножом. Действительно, дюжий чукча стал с воинственным видом делать круги по юрте, похлопывая рукой по огромному ножу, который висел у него на ремне у бедра. Когда он сделал два круга и пошел на третий, старик Карандашев вскочил и стукнул кулаком чукчу по затылку. Тот беззвучно повалился и мертвым упал к ногам зрителей, которые в ужасе уставились на Карандашева. А Карандашев схватил два камня у очага и вдребезги разбил их перед онемевшими чукчами. “Если кто попробует меня тронуть, я перекрошу их всех до одного, как эти

¹⁶ ККОМ. Ф. 172. Д. 1. Л. 52.

камни”, велел он передать им. Чукчи в испуге разбежались. Через короткое время наш старик с “сильной” травой в руке, уже ехал на быстрых оленях дальше без задержки. Если бы у него не было “сильной” травы, то чукчи зарезали бы его. Вот что делалось в старину!»¹⁷.

Среди фотографий, сделанных Новограбленовым в камчадалских селениях, имеется немало изображений на медвежьей тематике: сцены охоты, кадры добытчиков с трофеями, изображения заготовки и обработки шкур и мяса медведя. Обилие медведей и взаимоотношения человека и медведя на Камчатке бросались в глаза путешественникам, переселенцам, исследователям¹⁸. В.Л. Комаров во время экспедиций по Камчатке в начале XX в. отмечал, что «шкура и мясо медведя настолько важны в настоящее время в камчатском хозяйстве, что без них оно подвергнется серьезному ущербу», и, будучи не в силах объяснить сложное религиозно-охотничье отношение камчадалов к медведю, резюмировал: «быт их очень отличается от нашего, чтобы было легким взаимное понимание»¹⁹. В исследовательских же работах Новограбленова – налицо отношение к медведю с позиции местного охотника и хозяйственника. Так, вспоминая нечаянную встречу с медвежьей семьей в одной из поездок, он описывал ее на характерном камчадалском сленге: «Мы обратились к *матухе*²⁰: – Эй, тетка, что ты тут делаешь? Медведица с медвежатами сначала встали на дыбы, затем побежали в гору, но вскоре остановились, посмотрели на нас, опять побежали – малыши впереди уморительно торопились, мать же вперевалку степенно бежала сзади»²¹. А следом в тексте дневника он приводил практичное описание заготовки медвежьего мяса: «Мясо убитого медведя охотники складывают в специально устраиваемые шайбы (род ящика из бревен на высоких 4 столбах); мясо кладется в шайбе в ряд слоем, затем на него кладется слой из нетолстых слоев леса, затем опять слой мяса, на него лес и т.д. Шайба сверху давится тяжелыми чурками, чтобы защитить мясо от росомахи, лисицы, волка и медведя»²². К данной категории фотографий, отражающих быт населения, относится и сохранившаяся в архивах серия снимков, озаглавленная П.Т. Новограбленовым «Камчатская летняя страда» – порядка двух десятков фото рыбаков на путине, отображающих картины столь характерного промысла для полуострова.

Как видно из приведенных свидетельств, Новограбленов и его информаторы говорили и мыслили на одном языке, и в какой-то степени эти исследования были для Новограбленова родом автоэтнографии. Соответствующая «интонация», которую можно назвать взглядом изнутри, прослеживается и на его фотографиях этнографического характера.

¹⁷ ККОМ. Ф. 172. Д. 1. Л. 53.

¹⁸ Дитмар 2009.

¹⁹ Комаров 2008: 416.

²⁰ Матуха – камчадалское именование матери-медведицы.

²¹ ККОМ. Ф. 172. Д. 1. Л. 67.

²² Там же. Ф. 172. Д. 1. Л. 68.

Камчатка советская

Фотографией Новограбленов увлекся еще во время учебы в Томске (см. Томский дневник). Первоначально фотографирование интересовало как технический фокус, он много снимал без определенной цели. Но со временем фотоаппарат стал неизменным атрибутом его исследовательских экспедиций, а фотографирование – способом проиллюстрировать то, что сложно было передать только словом: встреченные им в поездках по горной стране природные панорамы и портреты жителей, эту страну населяющих. Со временем, как отпечатки реальности, на фотографиях все чаще начинают проявляться образы советизации Камчатки.

П.Т. Новограбленова связывали узы сотрудничества с конкретными политическими и хозяйственными организациями по советской колонизации Камчатки. В Государственном архиве Камчатского края, удалось, в частности, найти свидетельства его работы в качестве сотрудника одной из самых влиятельных советских структур в крае – Акционерного Камчатского общества. АКО, по заданию партии, проводило в 1928–1933 гг. интенсивную работу по изучению перспектив колонизации края: метеорологические наблюдения, приливы и отливы, реки, места для оленеводства, для горных работ, строительства поселений и культурбаз, организации производств и предприятий и т.д. Был в АКО и свой научно-исследовательский сектор, и к сотрудничеству с ним ведомственно привлекались лучшие исследовательские кадры края, в т.ч. и Новограбленов. Сохранилась «Докладная записка консультанта научно-исследовательского сектора АКО и зав. Музеем тов. Новограбленова о возможности постройки рыбоконсервных заводов на реках Кичиге и Палане». В докладной записке, составленной 24 февраля 1931 г., говорилось: «Летом 1930 г. мною было совершено научное путешествие в Северную Камчатку по поручению Академии наук СССР и Камчатского краеведческого общества. По моему мнению, АКО, заинтересованное в расширении своего рыбного дела, могло бы построить завод при устье р. Кичиги для переработки, главным образом, горбуши. АКО также могло бы поставить рыбоконсервный завод около устья реки Паланы. Эксплуатация современных рыбных ресурсов Паланы явно недостаточна»²³. К записке прилагалась и карта, план бассейна реки Паланы (10 км в 1 см), руки исследователя. А из экспедиции 1932 г. П.Т. Новограбленов привез сведения о месторождении нефти: «В 20 верстах от Авачи есть небольшой поселок и один из его немногочисленных селян, охотник Николай Панов, знает место выхода этой нефти. При устье одного ручья в болотистом месте втыкается палка в почву, а затем ее убирают вон, из-под земли, через полученное отверстие, вытекает крошечная струйка керосина, который горит и характерно пахнет. По его словам, японцы приезжали из Усть-Большерецка на поиски этой нефти, но не нашли, так как из жителей никто не хотел показать ее»²⁴.

²³ ГАКК. Ф. 106. Оп. 1. Д. 294. Л. 3.

²⁴ ККОМ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

Камчадал на стойбище. Фото П.Т. Новограбленова

В ходе выполнения экспедиционных заданий по линии АКО, коллекция фотографий и рисунков Новограбленова все больше пополнялась подобными образами на тему колонизации Камчатки. Не случайно, в 1928 г. было подготовлено издание «Камчатка в иллюстрациях» – фотоальбом, характеризующий быт советизирующейся Камчатки, выполненный Краеведческим обществом по заказу АКО.

В дальнейшем, когда в рамках Камчатского краеведческого общества, появилась специализированная фото-секция, П.Т. Новограбленову приходилось курировать и специализированные выставки. В архивах Общества изучения Амурского края хранятся документы по подготовке и регулярному проведению фотовыставок под эгидой Краеведческого общества. Цели подобных мероприятий были разнонаправленными – творческими, исследовательскими и пропагандистскими. С одной стороны, заявлялось о задаче выявить степень распространенности фотолюбительства и уклон в выборе тем для фото-сюжетов, изучить состояние грамотности фотолюбителей в части реализации специализированных фотографических процессов, определить степень обеспеченности любителей фотоаппаратурой, приборами, химикалиями, бумагой, пособиями и т.п. С другой стороны, среди титульных задач таких выставок значились: проведение работы по коллективизации фотолюбителей и привлечения их к участию в социалистическом строительстве округа, отсылку экспонатов в Москву на устраиваемые Комитетом Содействия народностям Севера при ВЦИКе отчетные выставки о работе Советской власти и ее органов на Крайнем Севере²⁵. Приоритетными для экспонирования были темы «Краеведение» и «Состояние советского строительства у туземцев». Наконец, характерно, что особый раздел выставок, отведенный работам на тему «Строительство округа», ставил целью по-

²⁵ ОИАК. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2. Л. 48.

казать развитие социалистического устройства на Камчатке, начиная с 1923 г. – времени установления Советской власти на полуострове.

П.Т. Новограбленов прозорливо осознавал и ресурс нового визуального толка – кинематограф. Для Краеведческого общества была даже приобретена кинокамера и запас пленки, сложности были лишь с квалифицированными операторскими кадрами. И все же Новограбленову удалось принять участие в создании профессионального кино о Камчатке. По просьбе В.К. Арсеньева, он выступил консультантом экспедиции «Совкино» под руководством А.А. Литвинова – первопроходца и классика этнографического кино. В архиве П.Т. Новограбленова сохранилось письмо от 4 мая 1929 г. к В.К. Арсеньеву, сотрудничавшему с киногруппой А.А. Литвинова в качестве научного консультанта и редактора: «Кино-экспедиция пробывала в Петропавловске дня 4 и затем отбыла в Усть-Камчатск и на Командоры. Краеведческое общество имело 3 заседания, на которых детально были обсуждены условия работы и путешествия экспедиции. А.А. Литвинов решил ехать таким образом: Командоры, Усть-Камчатск, Ключи, Козыревск, ламутские хребты Анауна-Ичинской сопки (здесь заснять “Олений всадник” – сценарий его передельвается на летний), затем уже по намеченному Вами плану. Недостававшее снаряжение кино-экспедиция достала в Петропавловске, где ей было оказано возможное содействие всем. Петропавловск жалел, что Вы не приехали вместе с экспедицией. Привет. Ваш, Новограбленов»²⁶. В задачи Камчатской киноэкспедиции входило создание четырех документальных фильмов: двух обзорных киноработ о полуострове – «Неведомая земля» и «Таинственный полуостров», и двух этнографических – «Тумгу» (о коряках) и «Олений всадник» (об эвенах). П.Т. Новограбленов оказывал содействие как в создании сценарных эскизов, так и в организации полугодового похода. А на одном из этапов пути, в районе Ключевской сопки, он принимал и непосредственно личное участие в работе киногруппы. Таким образом, в создании фильмов о советской Камчатке, которые, выйдя в широкий прокат в 1931 г., возымели заслуженный резонанс в научном сообществе и у простых зрителей, есть и творческий вклад П.Т. Новограбленова²⁷. Как видно, он стремился популяризировать информацию о Камчатке различными способами – как педагог, ученый, организатор, уделяя весомое внимание прогрессивным визуальным форматам. Но в 1932 году записи в его дневниках обрываются, в фотографиях замирают последние образы Камчатки советской, сделанные исследователем. . .

25 февраля 1932 года П.Т. Новограбленов был арестован по делу «Автономная Камчатка», ставшему апофеозом советских репрессий на полуострове. По версии официального следствия, на Камчатке действовала масштабная организация, которая стремилась отделить полуостров от СССР и перевести его под протекторат Японии. Центральное пар-

²⁶ ОИАК. Ф. 5. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.

²⁷ Головнев 2018.

тийное руководство требовало арестов, и в погоне за количественными показателями, началась искусственная фальсификация данных и фабрикация обвинений. Руководителем организации был объявлен Прокопий Трифионович Новограбленов. Все его предшествующие заслуги были повернуты против него – и крепкие связи с местным населением, и сотрудничество с иностранными учеными. Так, педагог М. Курищенко, отметив общую старорежимность П.Т. Новограбленова как преподавателя английского языка и естествознания школы, критически отзывалась о его длительных поездках по Камчатке с целью изучения растительного мира – активность Новограбленова в период деятельности на полуострове «белых банд» не оставляла у нее сомнений, что ездил он не за одними осоками и мхами, тем более с фотоаппаратом, и неизвестно еще, все ли снимки передавались им в музей²⁸. Серия подобных обвинений, идущих даже от его сослуживцев и сподвижников, привела следствие к вынесению высшей меры наказания. В первый день 1934 г., на сорок втором году жизни, П.Т. Новограбленов был расстрелян. Всего в ходе следствия по делу «Автономная камчатка» к ответственности был привлечен 141 фигурант, из которых 95 человек были впоследствии расстреляны, а остальные – приговорены к разным тюремным срокам. Это дело, унесшее и искалечившее жизни наиболее активных деятелей науки, образования и духовенства, невосполнимо «огрбило» формировавшееся исследовательское движение на Камчатке.

Лишь 27 апреля 1957 года Военный трибунал Дальневосточного военного округа реабилитировал всех, проходивших по делу «Автономная Камчатка», включая П.Т. Новограбленова. Согласно официальному вердикту, контрреволюционной организации, упомянутой в деле, на территории полуострова никогда не существовало. 12 октября 1965 года Камчатский отдел Географического общества СССР при АН СССР для поощрения работ по географии и краеведению учредил премию имени П.Т. Новограбленова. А в 1995 г. премия им. П.Т. Новограбленова была учреждена постановлением градоначальника для работников учреждений образования г. Петропавловска-Камчатского. Вслед за тем, именем П.Т. Новограбленова были названы сопка на Карагинском острове и вулкан в Северном вулканическом районе Срединного хребта Камчатки.

Исследовательское наследие П.Т. Новограбленова выжило в горниле репрессий – рассредоточенное по разным инстанциям и фрагментированное временем, оно безусловно нуждается во внимании и осмыслении. В этом ряду особое значение принадлежит многочисленным фотографическим материалам исследователя. С одной стороны, они служат вкладом в науку, являясь одними из первых визуальных документов по вулканологии, этнографии и археологии края. С другой – содержат информацию об исторической эволюции и советизации края. Кроме того, на основе анализа данных визуальных архивов, удастся рассмотреть и особый творческий «почерк» П.Т. Новограбленова.

²⁸ ОИАК. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

В сравнении с С.П. Крашенинниковым, Г.В. Стеллером, В.Л. Комаровым, К. Дитмаром и другими исследователями, приезжавшими на Камчатку в экспедиции, П.Т. Новограбленов обладал уникальным качеством – «внутренним» взглядом на предмет. Не случайно, что одним из ключевых отличий в методологии визуального творчества П.Т. Новограбленова является отсутствие метрического ракурса, проявляющего подход приезжего антрополога к человеку из местной среды сугубо как к предмету научного анализа. В частности, в отличие от распространенной в современной ему антропологии методики съемки портретов представителей этнических сообществ на фоне нейтрального искусственного «задника», в фас и профиль, в одежде и без таковой (так снимали В.Г. Богораз и В.И. Йохельсон, С.М. Широкогоров и Б.О. Пилсудский), П.Т. Новограбленов снимает своих соплеменников только в естественной среде за ежедневными занятиями – на его фотографиях словно поймана «жизнь врасплох» (термин Дзиги Вертова).

П.Т. Новограбленов не выделял себя из Камчатского мира – его «фото-глаз» любуется общими планами вулканических сопок и внимательно рассматривает детали жизни растительности и животных, останавливает мгновения повседневной жизни этнических сообществ и удивляется метаморфозам Камчатки советской. Таким образом, именно качество взгляда изнутри на страну вулканов определяет особость исследовательского наследия ученого камчадала П.Т. Новограбленова, что представляет уникальную ценность для науки.

Государственный архив Камчатского края (ГАКК). Ф. 106. Акционерное Камчатское общество.

Камчатский краевой объединенный музей (ККОМ). Ф. 172. Новограбленов Прокопий Тихонович, преподаватель, натуралист.

Общество изучения Амурского края (ОИАК). Ф. 5. Прокопий Трифонович Новограбленов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Арсеньев В.К. В кратере вулкана. Владивосток: Книжное дело, 1925. 31 с. [Arsen'ev V.K. V kratere vulkana. Vladivostok: Knizhnoe delo, 1925. 31 s.]
- Вексель, Свен. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. М.–Л.: Изд-во Главсевморпути, 1940. 175 с. [Veksel', Sven. Vtoraya Kamchatskaya ekspediciya Vitusa Beringa. M.–L.: Izdatel'stvo Glavsevmorputi, 1940. 175 s.]
- Головнев И.А. «Terra incognita»: описание земли Камчатки в фильме А.А. Литвинова // Диалог со временем. 2018. № 62. С. 257–272 [Golovnev I.A. «Terra incognita»: opisaniye zemli Kamchatki v fil'me A.A. Litvinova // Dialog so vremenem. 2018. № 62. S. 257–272].
- Головнева Е.В., Мартишина Н.И. «Владеть Востоком»: конструирование образа региона в творчестве В.К. Арсеньева // Сибирские исторические исследования. 2018. № 1. С. 200–218 [Golovneva E.V., Martishina N.I. «Vladet' Vostokom»: konstruirovaniye obraza regiona v tvorchestve V.K. Arsen'eva // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. 2018. № 1. S. 200–218].
- Дитмар, К. Поездки и пребывание на Камчатке в 1851 – 1855 гг.: Часть 1. Исторический отчет по путевым дневникам. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2009. 556 с. [Ditmar, K. Pоеzdki i prebyvaniye v Kamchatke v 1851 – 1855 gg.: CH. 1. Istoricheskij otchet po putevym dnevnikiam. Petropavlovsk-Kamchatskij: Novaya kniga, 2009. 556 s.]
- Комаров В.Л. Путешествие по Камчатке в 1908 – 1909 гг. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2008. 429 с. [Komarov V.L. Puteshestvie po Kamchatke v 1908 – 1909 gg. Petropavlovsk-Kamchatskij: Novaya kniga, 2008. 429 s.]
- Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.: Эксмо, 2013. 480 с. [Krasheninnikov S.P. Opisaniye zemli Kamchatki. M.: Eksmo, 2013. 480 s.]

- Новограбленов П.Т. Вулканы Камчатки в 1932 году // Камчатская правда. № 28. 1933. 3 марта. С. 3. [Novograbenov P.T. Vulkany Kamchatki v 1932 godu // Kamchatskaya pravda. № 28. 1933. 3 marta. S. 3.].
- Новограбленов П.Т. Подземные силы Камчатки // Полярная звезда. 1928. 24 июня. С. 4. [Novograbenov P.T. Podzemnye sily Kamchatki // Polyarnaya zvezda. 1928. 24 iyunya. S. 4.].
- Новограбленов П.Т. Раскопка // Полярная звезда. № 84. 3 августа. 1923. С. 3. [Novograbenov P.T. Raskopka // Polyarnaya zvezda. № 84. 3 avgusta. 1923. S. 3.].
- Новограбленов П.Т. Среди гигантов (путешествие вокруг Ключевского вулкана в 1927 г.). // Известия Центрального бюро краеведения. 1927 г. № 9. С. 327 – 328. [Novograbenov P.T. Sredi gigantov (puteshestvie vokrug Klyuchevskogo vulkana v 1927 g.). // Izvestiya Central'nogo byuro kraevedeniya. 1927 g. № 9. S. 327 – 328.].
- Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2011. 576 с. [Steller G.V. Opisanie zemli Kamchatki. Petropavlovsk-Kamchatskij: Novaya kniga, 2011. 576 s.].

Головнев Иван Андреевич, кандидат исторических наук, с.н.с., отдел проектных исследований, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; golovnev.ivan@gmail.com

Scientist Kamchadal from the country of volcanoes Prokopy Novogblebenov and his images of Kamchatka

The article covers a unique page in the history of scientific exploration of Kamchatka - the work of Procopius Novograbenov, the first hereditary Kamchadal, who dedicated his activities to a comprehensive description of the region. Based on archival data published for the first time, the article focuses on the analysis of the photographic heritage of a researcher structured by the main areas of his work - ethno-archeology and regional studies. Based on the comparison of diary entries, printed works and graphic materials of P.T. Novograbenova, a conclusion is made about the significant research value of visual documents as a type of source for studying the Soviet history of the Far Eastern frontier.

Keywords: Soviet history, visual anthropology, image of the region, Prokopy Novogblebenov, Kamchatka

Ivan Golovnev, PhD, senior researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), golovnev.ivan@gmail.com